

Слова девушки утонули в страшном шуме. «Отцы» кричали и размахивали кулаками. Какая невероятная дерзость! Подумать только: обвиняемая отвергла правомочность суждений виднейших богословов и докторов права! Она откровенно заявляла о желании бежать от «божьего суда», которому должна была бы безропотно подчиниться! Одно это уже было смертным грехом. Гордячку следовало если и не сжечь, то, во всяком случае, повесить!

Но процесс был образцовым, а посему приходилось терпеть и вести судопроизводство по всем правилам юридической науки.

Единственно, что сделал Кошон, — это сразу же прекратил всякую гласность заседаний. Отныне члены суда собирались по несколько человек в маленьком помещении и вели дело тайно.

Потекли бесконечные допросы. После 10 марта их стали проводить прямо в камере Жанны дважды и трижды в день. Девушка часто вспоминала Пуатье... Но если там было чистилище, то здесь — безусловный ад. Ее забрасывали тысячами вопросов, важное перемешивая со случайным, постоянно стараясь подловить на слове. Совершенно оставив в стороне политическую направленность процесса, попы сосредоточивали все внимание на теологических и обрядовых тонкостях, рассчитывая, что здесь обвиняемая легче всего попадетсся.

Со второго заседания Кошон поручил ведение допроса опытнейшему богослову, светилу Парижского университета Жанну Боперу. Мэтру Боперу деятельно помогали его мудрые коллеги, и часто настолько рьяно, что подсудимая оказывалась вынужденной просить:

— Почтенные господа, пожалуйста, говорите не все сразу, а то я не могу вам отвечать!..

Теперь Жанна была уже не той, что в Пуатье. Прошедшие два года многому ее научили. Она знала, что борется не только за свою жизнь, но и за честь своей родины. Она была предельно осторожной,